

Фамилия (ирин. к Моск. правде). — 1997. — № 6. — С. 3

ДЕВУШКА С ХАРАКТЕРОМ

Не просто Мария

Галина ЧЕРНАВИНА, Москва.

Опять Он. Маша уже не в первый раз боковым зрением замечала, с каким неподдельным интересом наблюдает за ней незнакомый молодой человек. Смотрит и смотрит. Ну и пусть. Лишь бы работать не мешал. Да и место это в Лаврушинском переулке Маша облюбовала уже давно: уж больно ей понравился вид, открывавший между домов живописную церквушку. К тому же городские пейзажи ей особенно удаются...

В Лаврушинском Маша рисовала несколько дней. За это время молодой человек осмелел и даже подошел познакомиться. В следующий раз он уже предлагал ей съесть пирожки и попить чайку в его будке на соседней стройке, где подрабатывал сторожем, откуда и углядел симпатичную девушку с мольбертом. Но вообще-то он аспирант института молекулярной генетики, недавний выпускник биофака МГУ.

Они разговаривали так, как будто уже сто лет были знакомы... А через некоторое время молодые люди были уже женаты. Гена переехал к жене. Родился сын. Маленькому Димке уже полгода.

да оставался какую-нибудь памятную вещь. «А эта - соседняя табуретка?» - подхватываю я. Все дружно смеются: «Эта - ниоткуда. Просто - табуретка».

Да, этой девочке, выросшей в нетипичной для среднестатистического горожанина обстановке, среди всех этих развешенных по стенам картин, фамильных икон, расставленных по полочкам статуэток, живописных сухоцветов, где даже двери придерживают старинные массивные утюги, а картины вправлены в удивительные рамочки с гипсовыми уголками, выброшенные когда-то на свалку аж из Пушкинского музея, просто на роду было написано стать художницей. Этому, кстати, способствовал еще целый ряд обстоятельств.

Во-первых и во-вторых...

Во-первых, в детстве, когда Маша особенно плохо и мало двигалась, мама сажала ее за столик, давая ей бумагу и карандаш. И ребенок сам себя этим занимал целый день.

Во-вторых, собственная мастерская у Константина Ивановича появилась только в последние годы: до этого он работал дома, и Маша любила проводить время в его комнате. Сплошь заваленной готовыми картинами, холстами, красками, черепками, лаптями и прочими атрибутами его профессиональной деятельности. Любила наблюдать за тем, как он работает. И хотя отец никогда не занимался с дочерью специально, и более того - не хотел, чтобы она рисовала, наверное, все-таки многое она переняла именно от него. Гены есть гены.

И все же осознанно Маша начала рисовать в школе. Когда в класс пришла Ирина Всеволодовна - новая учительница рисования. Человек неординарный и увлекающийся, она организовала в школе кружок. Конечно же, Маша не могла туда не записаться. Все остальное было лишь логическим продолжением.

Сегодня Мария Загорская уже сложившийся художник. И, безусловно, профессиональный. После окончания художественного училища имени 1905 года она поступила в специализированный институт искусств для инвалидов. Правда, на третьем курсе, в связи с рождением Димки, пришлось взять академку. Зато по-прежнему на всех художественных выставках, в которых Маша успешно принимает участие, в художественных салонах, где она иногда выставляется, ее работы не остаются без внимания. И, кстати, неплохо покупаются. Особенно иностранцами. Роман «Сто лет одиночества» Маркеса был темой ее дипломной работы в училище. Возможно, когда-нибудь Маша сможет профессионально заняться книжной иллюстрацией. Пока же молодая

художница работает в разных жанрах и направлениях. У нее уже выпущен собственный каталог. Большой, цветной, на хорошей бумаге, на двух языках. На зависть многим другим художникам. У ее отца, к примеру, дважды лауреата, такого до сих пор нет. В каталоге, помимо Машиных живописных и графических работ, напечатаны также ее стихи и проза. Она ко всему прочему еще и человек пишущий, а стихи так здорово дополняют ее картины и представления о ней самой.

Конечно же, сами Загорские никогда бы не смогли бы выпустить подобное издание, да еще 5-тысячным тиражом. Помогли в московском клубе инвалидов «Контакты-1», финансовую поддержку оказал международный клуб Львов «Москва-Север», до сих пор выплачивающий художнице творческую стипендию.

В-третьих...

Трудно не признать, что кандидатура для подобной поддержки выбрана более чем удачная. Маша вообще очень интересный и разносторонний человек. То она посещает клуб поэтов, то занимается бегом в спортивном клубе, то обучает азам рисования детей-инвалидов в детском реабилитационном центре на Калужской. Причем то, что она там делала, было важнее даже не столько для детишек, сколько для их мам, которые смотрели на Машу и видели, что из человека может получиться все, что он сам захочет.

А еще Маша страшно любит путешествовать. Успела побывать в раз-

ных интересных местах. Например, на Валааме. Или на Саяно-Шушенской ГЭС: Лидия Дмитриевна, мама Маши, биолог по образованию, в свое время брала дочь с собой в командировку. Девочку тогда просто огулила величественная сибирская природа, могучий и чем-то пугающий Енисей. Совсем не такая, как близкая и родная природа в деревушке Подсосенье, где Загорские 15 лет назад купили домик. И хоть дорога до нее тоже неблизкая - 8 часов (машины у Загорских нет: с рюкзаками - да на электричку), как же здесь легко дышится, как хорошо рисуется и пишется.

Еще Маша была в Норвегии - в международном молодежном лагере для инвалидов, в Италии и Польше. В последнюю страну она ездила с группой российских паломников: молодежь со всего мира съезжалась в местечко Ченстохово, на праздник Ченстоховской Богоматери и для встречи с папой римским. Для Маши эта поездка была чистойшей авантюрой, так как рванула она в Польшу не из-за религиозных убеждений, а просто так - из любопытства. К тому же паломники жили в палаточном лагере и инвалидов среди них больше не было. Впрочем, Машу там не обижали, наоборот, старались даже опекать. Хотя она один раз все равно умудрилась потеряться, впрочем, это отдельная история.

В-четвертых...

В прошлом году Машу ждала Атланта. Поездку пришлось отменить - на свет появился Митя. Маленький голосистый малыш вообще внес немало корректив в ее жизнь. Самая, пожалуй, незначительная - то, что впервые в жизни к Новому году Маша не сумела выпустить самодельную газету, нарушив многолетнюю семейную традицию. Теперь впервые в жизни не только она, но и от нее кто-то стал зависеть: она ведь еще кормящая мама.

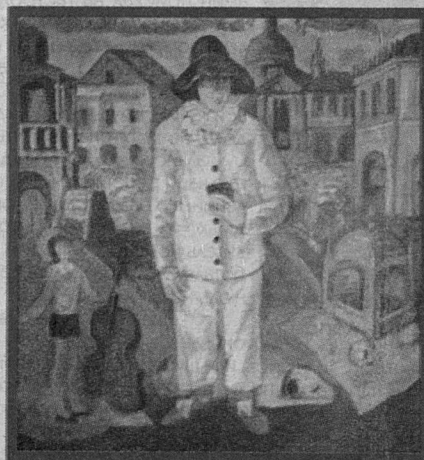
- Вот вырастет ребенок - тогда займусь собой, - говорит она. Долго же придется ждать.

Хотя, если честно, она больше мечтала о девочке. Хотела назвать Лидой - в честь мамы, которая всю себя посвятила дочери, а теперь вот и внуку. Но все равно и появившийся мальчик тут же стал самым главным в их доме. Маша не случайно назвала его Дмитрием. Это ее любимое имя. Так звали ее дедушку, так звали ее одноклассника, ее первую любовь, которому она посвятила множество стихотворных признаний. Должно быть, тот Дима и впрямь был незаурядной личностью. Не случайно же он стал священником.

Мне очень нравится последняя, еще не совсем законченная Машин работа. На ней сама Мария с маленьким Митей на руках. Картина и абстрактная, и реальная одновременно - как бы дробленая на части. Кажется - дотронься до нее, и мгновение, запечатленное на бумаге, разобьется на кусочки. Как мозаика. Или стекло. В такой мозаичной манере Маша думает написать целую серию.

Уходя из дома Загорских, я еще раз взглянула на одну заинтересовавшую меня вещь - стоявшую на полке старинную бронзовую лошадку, запряженную в такую же по стилю повозку. Будучи когда-то в Индии, Машин отец выменял ее в старинной антикварной лавке на почти новый фотоаппарат. И только потом, перелистав дома подаренный мне каталог, обнаружила эту же лошадку на одной из Машиних работ. Разве что на этой картине под названием «Детство» - очень трогательной и очень символической, из окна повозки вместо индийского божка выглядывает девочка. Очень похожая на саму Машу.

Фото Валерия СКОКОВА.

«Беременная радость».

Потому что...

Ну и что же тут особенного? - предвижу я вопрос. В общем-то ничего, не считая того, что Маша Загорская - инвалид детства. У нее ДЦП. Но Маше повезло, что она росла в семье, где никогда не говорили об этом и разрешали делать все, что она хотела: кататься на велосипеде, на лошадях, гонять на лыжах, и даже горных. Немыслимое сочетание даже для абсолютно здорового ребенка. Но в том-то и дело, что на всех она всегда производила впечатление здорового человека. Нетвердая походка? Если с человеком интересно, то при общении на это уже просто не обращаешь внимания. Маша росла в обычном окружении. От больницы и специализированных санаториев семья довольно быстро решила отказаться. Дом был всегда полон ее друзей и подруг. И школа была самая что ни на есть обычная - та, что ближе к дому, под самыми окнами.

А вот обстановку, в которой она выросла, можно назвать действительно уникальной. Достаточно сказать, что дом, где живут Загорские, по-настоящему творческий. Отец Маши - Константин Загорский - художник кино. Причем довольно маститый - на его счету более 30 картин. Среди которых такие, например, как «Волшебная лампа Аладдина», «Отроки во Вселенной», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» и многие другие. Так что девочка росла среди декораций всеми любимых фильмов. В ее комнате до сих пор вместо люстры висают какие-то немислимые сосульки, изображавшие когда-то stalactites в фильме «Через тернии - к звездам». И вот этот столик со стеклянной столешницей, за которой мы пьем чай, беседуя с семьей Загорских, - тоже оттуда. Как, впрочем, и этот стул с высокой спинкой. А вот эта табуретка - уже из «Острова сокровищ». На память о каждом сделанном фильме Константин Иванович всег-